

Безрукова Ольга Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
o.bezrukova@spbu.ru

Самойлова Валентина Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
v.samojlova@spbu.ru

Яшина Мария Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
m.n.yashina@spbu.ru

Одинокое отцовство в России: новая форма родительства⁵¹⁹

Аннотация. Цель статьи заключается в анализе моделей одинокое отцовства, изучении мотивации и структуры факторов, обуславливающих вовлеченное отцовство, специфики влияния матери и родительской семьи на реализацию отцовских практик. Результаты исследования свидетельствуют о том, что одинокое отцовство, как правило, вынужденная ситуация, которая вызвана смертью или тяжелой болезнью матери, её девиантным поведением и уходом из семьи, лишением родительских прав, последствиями развода, длительным раздельным проживанием супругов, применением современных репродуктивных технологий суррогатного материнства. Сделан вывод о том, что сценарии становления одинокое отцовства – запланированный или случайный – связаны с причиной появления ребенка в семье. Предлагаются направления поддержки одиноких отцов.

Ключевые слова: одинокое отцы; дети; отцовство; социальная поддержка; семейная политика

Bezrukova Olga Nicolaevna

Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russian Federation
o.bezrukova@spbu.ru

Samoylova Valentina Alekseevna

Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russian Federation
v.samojlova@spbu.ru

Yashina Maria Nicolaevna

Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russian Federation
m.n.yashina@spbu.ru

Single fatherhood in Russian Federation: a new form of parenthood⁵²⁰

Abstract. The purpose of the article is to analyze models of single fatherhood, to study the motivation and structure of factors that determine the involved fatherhood making, the

⁵¹⁹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00543.

⁵²⁰ The reported study was funded by RFBR, project number 19-011-00543.

specifics of mother's and parent family's influence on the paternal practices implementation. The results of the study show that single fatherhood is usually a forced situation caused by death or severe illness of the mother, her deviant behavior and leaving the family, deprivation of parental rights, divorce consequences, long-term separation of spouses, use of modern reproductive technologies of surrogacy. It is concluded that the scenarios of the single fatherhood becoming – planned or casual – are associated with the cause of the child appearance in the family. The supporting concepts for the single fathers are suggested.

Keywords: single fathers; children; fatherhood; social support; family policy

Введение

Во всем мире растет число одиноких отцов, те же тенденции наблюдаются и в России. По данным переписи населения 1989 г. доля отцовского монородительства составляла всего лишь 1,0 % от общего числа семей [Итоги, 1991–1993]. По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. доля отцовских семей от общего числа семейных ячеек с несовершеннолетними детьми до 18 лет увеличилась и достигает 3,7 % [Всероссийская перепись, 2010], по данным Микрпереписи 2015 г. – 3,2 % [Микрперепись, 2015].

Исследовательский интерес российских авторов к проблематике отцовских семей проявляется в анализе причин и типологии мужского монородительства, характеристик социального портрета одинокого отца с детьми, переживаемых трудностей, воспитательных практик [Воронов, Янак, 2018; Кирилова, Петрова, 2014; Егорова, Янак, 2014, Шевченко, 2014, Михайлова, 2014, Ермилова, 2016], противоречивого становления «заботливой» маскулинности и вовлеченного отцовства [Безрукова 2013, Безрукова, Самойлова 2019], изучении защиты прав, технологий и мер поддержки одиноких отцов как новых клиентов социальных служб [Кузнецова, 2015; Егорова, Янак, 2014, Михайлова, 2014]. Недостаток исследований и слабая изученность одиноких отцов как социальной группы порождает её полярные оценки – от позитивного – вынужденного героизма одиноких отцов из-за тяжелой болезни, смерти, девиантности матери [Безрукова, Самойлова, 2019] до негативного – отчужденных или не справляющихся со своими родительскими обязанностями отцов [Стасенко, 2010; Михайлова, 2014].

Отдельная категория российских публикаций посвящена описанию практик работы с отцами в различных государственных и общественных организациях. В представленных исследованиях основными факторами роста отцовского монородительства называются нестабильность семьи и трансформация семейных ценностей; уменьшение родительской ролевой асимметрии вследствие ломки традиционного гендерного порядка; развитие отцовства как родительского субинститута, появление «новой» маскулинности и альтернативных моделей отцовского поведения, ростом отцовских движений, распространенность прекаризации труда, образовательной и профессиональной мобильности [Воронов, Янак, 2018; Безрукова, Самойлова, 2017].

Зарубежные исследователи также отмечают, что хотя среди родителей-одиночек по-прежнему подавляющее большинство составляют матери, постепенно растет количество *одиноких отцов* (single fathers), которые выступают основными опекунами своих детей [Lee, Hofferth, 2017]. Одна из тем немногочисленных исследований, посвященных таким семьям, – это содержание и специфика родительских функций отцов по сравнению с матерями. Анализ четырех категорий, которые были выделены в деятельности по уходу за ребенком (рутинный уход, игры, управление и обучение), показал, что одинокие отцы посвящают значительно меньше времени на уход за детьми, чем одинокие матери (среднее время отцов составляет 54 минуты, матерей – 1 час 39 минут), затрачивая значительно меньше времени во всех видах деятельности по уходу за ребенком, чем матери, кроме игр [Lee, Hofferth, 2017]. Эти данные подтверждают более ранние исследования [Dufur et al., 2010; Hook, Chalasani, 2008] и укладываются в гендерную парадигму, согласно которой женщины и мужчины ведут себя в соответствии с социальными ожиданиями и нормами в отношении своего пола. В то же время структурные характеристики ближайшего окружения влияют на баланс родительских функций, гендерные различия в общем времени ухода за детьми смягчаются, если рядом с отцом и ребенком живут родственницы, напротив, в семьях, включающих партнера отца, дефицит времени на общение с ребенком может увеличиваться [Lee, Hofferth, 2017].

В любом случае на отце лежит основная ответственность отца за воспитание, и его участие и вовлеченность становятся необходимыми условиями передачи ребенку ресурсов социального капитала. Семьи с одним отцом не отличались от семей с двумя родителями по уровню образования отцов, они менее уязвимы с точки зрения социально-экономических ресурсов, чем одинокие матери, в то же время уровни вовлеченности, надзора, мониторинга и близости с детьми одиноких отцов-опекунов ниже, чем у матерей-опекунов [Demuth, Brown, 2004]. Экономические преимущества позволяют детям из этих семей получать больше ресурсов для интеллектуального развития, что подтверждают более высокие результаты тестов [Dufur et al., 2010], хотя, по уровню финансовых и материальных ресурсов такие семьи все же уступают полным семьям [Bronte-Tinkew et al., 2010].

Исследования семейной социальной среды показывают, что одинокие отцы-опекуны реже используют авторитетные методы воспитания, а чаще придерживаются стратегий вседозволенности и невмешательства, у подростков из таких семей более высокий уровень изолированности, чем у детей из полных семей [Bronte-Tinkew et al., 2010]. Вывод состоит в том, что одиноким отцам может не хватать ресурсов, в том числе, социальной поддержки, чтобы полноценно справляться с родительскими ролями и обеспечивать благополучие детей, причем, наиболее заметный дефицит касается их воспитательской компетентности.

Методология исследования

Методология исследования включает рассмотрение отцовства как социального института, систему прав, обязанностей, социальных ожиданий и требований,

предъявляемых к мужчине как родителю и коренящихся в нормативной системе культуры и в структуре семьи (fatherhood); как индивидуальная и рефлексивная социальная практика (fathering), комплексное и разнонаправленное явление, сложный феномен, состоящий из множества структурных компонентов и подвергающийся различным факторам воздействия [LaRossa, 1997; Doherty, Kouneski, Erickson, 1998; Coltrane, 2004; Кон, 2009; Безрукова, 2013]. Также мы рассматривали отцовство через призму социальных изменений в мужественности, становления недоминантных маскулинностей, конструирования мужчинами и обществом «заботливой» маскулинности, «новой культуры» отцовства [Lengersdorf, Meuser, 2016; Ruby, Scholz, 2018 и др.]. Ответственное отцовство – составная часть понятия «ответственное родительство», формирующееся на основе принятия новой модели маскулинности, включающее в себя такие показатели, как эмоциональная близость с детьми, включенность в непосредственный уход, общение и игры с ребенком, забота о детях, ответственность за их физическое и личностное развитие [Levine, Pit, 1995; Doherty et al., 1998].

Цель статьи заключается в анализе моделей одинокого отцовства, изучении мотивации и структуры факторов, обуславливающих становление вовлеченного отцовства, специфики влияния матери и родительской семьи на реализацию отцовских практик. Основные задачи исследования включали изучение типичных сценариев становления мужчины в роли одинокого отца, их социальных проблем и практик, разработку рекомендаций по поддержке одиноких отцов.

Эмпирическая основа статьи – материалы исследования, проведенного в 2019 г. в Санкт-Петербурге. Выборка целевая, собрано 17 интервью с отцами в ситуации одинокого отцовства. Возраст отцов: 37 – 50 лет. Опыт проживания с ребенком от 9 месяцев. Возраст детей от 2 до 15 лет. Высшее образование имеют 9 чел., среднее специальное – 8 чел. Вдовцы – 7 чел., разведены и ребенок проживает с отцом – 7 чел., состоит в браке – 1 чел., незарегистрированный брак – 1 чел., мать лишена родительских прав в 1 случае. Одного ребенка имеют 11 чел., двое детей – у 5 отцов, трое детей – у 1 отца. Материальное положение оценили как в целом хорошее – 6 чел., 11 – как удовлетворительное. Метод исследования – глубинное интервью. Продолжительность – от 1 часа до 3 часов.

Результаты исследования

Объединяющей характеристикой отцов данной целевой группы является то, что они растят своих детей самостоятельно, без участия супруги. Причина сложившейся ситуации выступает основанием для их типологизации и во многом определяет модели их отцовского поведения. Исходя из жизненных обстоятельств, отцы оказываются одинокими родителями в случае смерти жены или ухода матери ребенка из семьи, в том числе вследствие развода. Уход матери из семьи может быть вызван её асоциальным поведением, повлекшим в некоторых случаях лишение её родительских прав. Мать может не демонстрировать асоциальное поведение, но в связи со сложными отношениями между супругами добровольно отказывается от родительства,

согласившись с решением суда, что ребенок после развода будет жить с отцом. Помимо формальных оснований для типологизации можно учитывать и принятый подход к пониманию отцовства как части личностной сферы мужчины. Для мужчин этой группы в основном характерна реализация «ответственного отцовства», его активная включенность в процесс ухода и воспитания детей не столько в силу обстоятельств, сколько как потребность в реализации себя как отца.

Разными могут быть и исходные сценарии становления отцовства, связанные с причиной появления ребенка в семье, – *запланированный или случайный*. Независимо от данного обстоятельства в социальном и культурном капитале одиноких отцов обнаружены значительные различия. Отцы с расширенным капиталом, как правило, вовлечены в активные взаимоотношения с ребенком в эмоциональном и образовательном плане. Дети участвуют в досуговых практиках отцов, перенимают их опыт в повседневном общении, в семьях активно реализуются совместные поездки, посещение культурно-досуговых мероприятий. Отцы проявляют инициативу при возникновении психологических трудностей у ребенка, посещают специалистов. С ребенком выстраивают доверительные отношения, без применения насилия, устанавливают позитивные отношения с учреждениями образования и здравоохранения, которые посещает ребенок. Позиционируют себя как самостоятельных, состоявшихся и успешных родителей, не прибегают к материальной помощи со стороны государственных структур.

В ситуации бедного социального и культурного капитала отца наблюдается дефицит детско-родительских отношений, низкий уровень доверия, взаимной заинтересованности, ребенок в значительной степени растет как автономный субъект, не демонстрирующий потребности (однако, это не значит, что она отсутствует) в привязанности и эмоциональной близости с отцом. Отцы проявляют себя как пассивные участники отношений с детьми, они обращают основное внимание на материальную составляющую поддержки. Отец реализует себя в первую очередь как кормилец, добытчик часто довольно скромных средств к существованию. Стиль воспитания ребенка – в основном попустительский.

Одним из ключевых вопросов, обладающих повышенной объяснительной и прогностической способностью, является вопрос о мотивации отцовства. Какое место родительство/ отцовство занимает в системе ценностей человека и среди других его социальных ролей – ответы на эти вопросы показывают, что для части одиноких отцов характерна высокая эмоциональная вовлеченность в жизнь ребенка. Для них рождение детей, особенно, если это не первый ребенок, было изначально желанным. Отсутствие рядом матери ребенка создает условия для максимальной реализации себя как родителя. Несмотря на протесты близкого окружения, никаких сомнений в том, что ребенок останется с ним, у такого отца никогда не наблюдалось. Дети не воспринимаются как обуза, несмотря на сложности совмещения родительских и профессиональных функций. Ребенок для одинокого отца – это «мое» и отдать «свое» кому-то не представляется возможным. Вместе с тем осознание отцовства

осуществляется по-разному и зависит от ранней вовлеченности в заботу о ребенке. При появлении желанных детей, а это, как правило, вторые и последующие дети, восприятие себя как отца возникает сразу же. У мужчин, в высокой степени сфокусированных на работе, при наличии желанных детей становление отцовского чувства происходит тогда, когда появляется эмоциональная вовлеченность в воспитание ребенка, необходимость заботиться о ребенке максимально обостряет чувство отцовства.

Факторы, влияющие на становление «вовлеченного» отцовства, зависят от текущей жизненной ситуации. В ситуации вдовства близкие родственники со стороны отца становятся полноправными вторыми родителями. При этом пол родственника в уходе за ребенком не имеет значения. Роль родственников со стороны жены часто взаимосвязана с социально-экономическим состоянием семьи отца. В ситуации низкого уровня экономического положения – это чаще негативные взаимоотношения, в ситуации высокого – взаимопомощь.

Профессиональные интересы, карьера для отца отходят на второй план, так как требуются значительные временные затраты на воспитание и уход за ребенком. Поэтому отец вынужден или прибегать к помощи родственников или переходить на неполную занятость. При разводах значимой частью жизни отца, отнимающей его физические и эмоциональные ресурсы (так необходимые для общения с собственным ребенком) становится борьба с судебной системой за свои отцовские права, в том числе, установление места жительства ребенка. Отношения с родственниками жены, как правило, негативные, помощь можно получить только со стороны своей семьи. В высокодоходных и высокопрофессиональных группах решение о переходе отца на неполную занятость (которая, тем не менее, позволяет иметь приемлемый для жизни уровень дохода) принимается им сознательно с тем, чтобы иметь больше возможностей проводить время с ребенком. Наибольшие трудности наблюдаются в низкодоходных и профессионально некомпетентных группах, когда работа является основным источником дохода и без полной занятости не обойтись, а помощь родственников только физическая. Ребенок в этих ситуациях остается без необходимого внимания отца, а значимый ресурс в воспитании начинает принадлежать образовательному учреждению. Вместе с тем, бытовые условия и в целом материальная обеспеченность не играют определяющей роли в формировании вовлеченного отцовства. Наличие материальных ресурсов облегчает реализацию заботы о физическом благополучии ребенка, развитии его способностей, однако, главным фактором установления близких отцовско-детских отношений является мотивационно-ценностная составляющая отцовства.

Реализация практик отцовства зависит от влияния близкого окружения, а также опыта воспитания в родительской семье, образцов культурного наследования, которые есть у каждого человека. В связи с отсутствием матери ребенка отцы не реализуют практики воспитания, которая применяла мать. Реализуются те формы и методы воспитания, которые использовались в родительской семье отца или его собственные

подходы. В ситуациях развода практики матери вообще не являются приемлемыми для отцов, они отвергаются как неверные и враждебные для ребенка.

Отцы демонстрируют разные сценарии межпоколенческих отношений – от полного принятия и позитивного отношения, а также переноса родительских взаимоотношений на отношения с собственными детьми, до полного отрицания, переосмысления и поиска собственных форм взаимодействия с детьми. Для одиноких отцов – участников исследования – характерен ранний уход из семьи в силу разных причин: начало профессионального обучения, ранние браки, конфликты с родителями. При этом отношения с собственными матерями более однозначные и позитивные, нежели с отцами.

В исследовании проявилась специфика межпоколенческих различий в жизненных смыслах, сценариях и практиках отцовства, которые, на наш взгляд, вызваны социально-исторической динамикой между детством отцов и детством современных детей, технической оснащенностью современной жизни, потребностями, которые выдвигает система образования.

В целом можно выделить три группы отцов: первая – отношения со своим отцом позитивные, и опыт общения транслируется на отношения с ребенком; вторая – отношения с отцом негативные из-за применявшегося к информанту в детстве насилия или в связи с непреодолимыми различиями в мировоззрении, как результат, происходит поиск альтернативных практик взаимодействия с собственными детьми; третья группа – информант потерял отца в раннем возрасте, в этом случае поиск модели отцовства осуществляется самостоятельно. Независимо от принадлежности к той или иной группе, важно учитывать, что детство отцов проходило еще в советский период, и «советские» отцы, проживающие в семьях, были активно включены в первую очередь в трудовую сферу, а только затем – в воспитание детей. Поэтому у всех опрошенных отцов больше воспоминаний о женском участии в их воспитании (мама, бабушки), чем о мужской роли.

Заключение

Результаты исследования свидетельствуют о том, что одинокое отцовство, как правило, вынужденная ситуация, которая спровоцирована смертью или тяжелой болезнью матери, её девиантным поведением и уходом из семьи, лишением родительских прав, последствиями развода, длительным раздельным проживанием супругов, применением современных репродуктивных технологий суррогатного материнства.

Анализ материалов интервью показал, что одинокие отцы испытывают значительные трудности в организации жизни своей семьи, воспитании детей, общении с родственниками, работодателями, учителями. Такая ситуация чаще всего характерна для отцов, воспитывающих детей самостоятельно без помощи родственников. Совершенствование поддержки одиноких отцов, воспитывающих детей, должно осуществляться в нескольких основных направлениях. Важно совершенствовать семейное законодательство, усиливая юридическую защищенность

отцов и их право на воспитание детей в ситуации развода, девиантного поведения матери или лишения её родительских прав. По мнению отцов, необходимо привлекать самих отцов к экспертизе законопроектов, касающихся мер поддержки одиноких родителей и отцовских семей. В значительной части семей одиноких отцов наблюдается трудное материальное положение, что требует расширения материальной поддержки таких семей на федеральном, региональном, муниципальном уровнях (предоставление льгот, субсидий, пособий, выплат одиноким отцам и детям). Актуально совершенствовать подготовку специалистов по социальной работе, специализирующихся на поддержке монородительских семей. Важно содействовать развитию благотворительности, гражданских инициатив по поддержке монородительских (отцовских) семей. Востребована информационная поддержка, цифровизация социальных услуг, включая консультирование на сайтах, форумах, в чатах, транслирование проблем одиноких отцов в масс-медиа для привлечения внимания общественности к теме отцовского монородительства.

Библиографический список

Безрукова О. Н. Отцовство в трансформирующемся обществе: ожидания матерей и практики отцов // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 118–130.

Безрукова О. Н., Самойлова В. А. «Папы по любви» и «папы по неволе», или почему российские отцы не идут в отпуск по уходу за ребенком? // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 90–100. DOI: 10.31857/S013216250005796–8.

Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Отцовский отпуск в России: мечты или реальность? // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 116–125. DOI: 10.7868/S0132162517070133.

Воронин Г. Л., Янак А. Л. Монородительские семьи: их типы и социальный портрет одинокого родителя // Женщина в российском обществе. 2018. № 1(86). С. 53–66. DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.5.

Всероссийская перепись населения 2010 г [Электронный ресурс] // Росстат. 2010: [веб- сайт] URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 23.04.2020).

Егорова Н. Ю., Янак А. Л. Отцовская семья как новый клиент социальной работы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2014. № 2 (34). С. 42–46.

Ермилова А. В. Жизнь после развода родителей в восприятии детей: социологический анализ // Женщина в российском обществе. 2016. № 1 (78). С. 69–79.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. в 12 томах (1991–1993). Том III. Число и структура семей, группировка их по размеру. М.: Госкомстат. Официальное издание на электронном носителе.

Кириллова О. С., Петрова Л. Е. Социальные практики одиноких отцов: анализ на основе качественных интервью // Вестник Пермского университета. Сер.: Философия. Психология. Социология. 2014. № 3 (19). С. 128–136.

Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время. 2009. 496 с. ISBN: 978- 5- 9691–0397–9.

Кузнецова О. В. Защита прав отцов по семейному законодательству // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Право. 2015. № 17 (372). Вып. 43. С. 89–94.

Микроперепись населения 2015 г [Электронный ресурс] // Росстат.: [веб-сайт] 2015/ URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения: 23.04.2020).

Михайлова А. И. Монородительские (отцовские) семьи: социолого-управленческий аспект: дис. ... канд. социол. наук. Чита, 2014. 169 с.

Стасенко О. В. Одинокое отцовство в современном обществе: причины возникновения и основные проблемы // Женщина в российском обществе. 2010. № 3. С. 78–82.

Шевченко И. О. Одинокое отцы в России: повседневные практики и проблемы // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер.: Философия. Социология. Искусствоведение. 2014. № 4 (126). С. 163–172.

Шелуханова Л. В. Роль отца в инвестировании социального капитала в развитие ребенка // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017, № 3 (47), С. 109–115.

Bronte-Tinkew J., Scott M. E., Lilja E. 2010. Single Custodial Fathers' Involvement and Parenting: Implications for Outcomes in Emerging Adulthood. *Journal of Marriage and Family* 72 (5): 1107–1127.

Coltrane S. 2004. Fathering: Paradoxes, Contradictions, and Dilemmas. In: Coleman M., Ganong L. (Eds.). *Handbook of Contemporary Families: Considering the Past, Contemplating the Future*. Sage Publications, Thousand Oaks, P. 224–243.

Demuth S., Brown S. L. 2004. Family Structure, Family Processes, and Adolescent Delinquency: The Significance of Parental Absence Versus Parental Gender. *Journal of Research in Crime and Delinquency* 41: 58–81.

Doherty W. J., Kouneski E. F., Erickson M. F. 1998. Responsible Fathering: An Overview and Conceptual Framework. *Journal of Marriage and Family* 60 (2): 277–292.

Dufur M., Howell N. C., Downey D. B., Ainsworth J. W., Lapray A. J. Sex Differences in Parenting Behaviors in Single-Mother and Single-Father Households. *Journal of Marriage and Family* 72: 2010. P. 1092–1106.

Hook J. L., Chalasani S. 2008. Gendered Expectations? Reconsidering Single Fathers' Child Care Time. *Journal of Marriage and Family* 70: 978–990.

LaRossa, R. 1997. *The Modernization of Fatherhood: A Social and Political History*. University of Chicago Press, Chicago, 287 p.

Lee Y., Hofferth S. L. 2017. Gender Differences in Single Parents' Living Arrangements and Child Care Time. *Journal of Child and Family Studies* 26: 3439–3451.

Lengersdorf D., Meuser M. 2016. Involved Fatherhood: Source of New Gender Conflicts? In: I. Crespi, E. Ruspini (Eds.), *Balancing Work and Family in a Changing Society. The Fathers' Perspective*, Palgrave Macmillan, P. 141–161.

Levine J. A., Pit E. W. *New Expectations: Community Strategies for Responsible Fatherhood*. Family and Work Institute, New York, 1995. 229 p.

Ruby S., Scholz S. 2018. Care, Care Work and the Struggle for a Careful World from the Perspective of the Sociology of Masculinity. *Österreich Z Soziol* 43: 73–83.